

О ФИЛОСОФСКОСТИ РУССКОГО ЧЕЛОВЕКА И СЕРДЕЧНОСТИ РУССКОЙ ФИЛОСОФСКИ

В.П. Фетисов

Воронежская государственная лесотехническая академия, 394613, г. Воронеж, ул. Тимирязева, 8
e-mail: vglta@vglta.vrn.ru

*Не религию и науку и критикую,
но место для русской философии ищу*

В статье рассматриваются проблемы специфики русской философии и русского философствования. Отмечается исключительный дуализм русского человека, его противоречивость, что рождает особый тип философствования.

Ключевые слова: русская философия, наука, богословие, религия, духовность.

Каждый человек постольку философ, поскольку отделяет этот естественный эмпирический мир от Другого – возвышенного и идеального и поскольку именно с принадлежностью к двум мирам связывает главные проблемы своего бытия. Если же он ограничивается исследованием только естественных закономерностей или признает истину только за сверхъестественным потусторонним миром, то превращается из философа в добросовестного ученого или религиозного проповедника.

Выразителем какого мировоззрения станет человек – научного, религиозного или философского, зависит от многих обстоятельств. Склонность к философии – проявление определенных душевных и интеллектуальных качеств. Достоевский, Бердяев, Лосский и другие авторы, говоря о максимализме и противоречивости русского характера, отмечали в то же время его расположенность к философствованию. Это происходит, с одной стороны, от неудовлетворенности русского человека одними земными ценностями, а с другой, от нежелания полностью отречься от земного мира во имя небесного.

Высшие устремления уживаются у русского человека с любовью к приземленной реальности. Конечно, очень часто напряженность данного противоречия не выдерживается, и люди начинают заботиться только о земных радостях или, наоборот, полагаются только на грядущее царство небесное. Но если для некоторых народов подобная ориентация считается нормальной, то для русских людей она не типична и выглядит скорее отклонением от нормы. Именно поэтому точнее говорить не о рационализме и практичности и даже не о религиозности русского народа, а о его философичности. Например, преуспевающие в завоевании этого мира «новые русские» меньше всего похожи на русских. Точно так же проснувшаяся вдруг необыкновенная религиозность государственных чиновников подозрительна русскому человеку.

Такая особенность характера выгодно отличает русский народ от других народов, с легкостью погружающихся в плоский эмпиризм или религиозный фанатизм. Но она же значительно осложняет жизнь. Трудно быть русским, разрываясь между двумя противоположными мирами и пытаясь соединить, казалось бы, несоединимое. Моменты относительной гармонии неизбежно сопровождаются ощущением разорванности бытия.

В результате, в одном русском человеке часто происходит трудно объяснимое соединение совершенно противоположных черт, создающих оригинальный и многим непонятный образ. Например, он любит жизнь, но не настолько, чтобы хотеть жить вечно и не пожертвовать ею иногда по самому ничтожному поводу. Он боится смерти, но не настолько, чтобы придумывать бессмертные души и загробный мир. Он жаждет абсолют-

ной справедливости, не замечая даже, как творит несправедливость вокруг себя. Он страдателен до слез к чужим людям и жесток по отношению к самым близким. Преклоняется перед шедеврами искусства и недолюбливает художников и артистов, ненавидит пьянство и напивается до потери сознания. Можно долго приводить подобные, с одной стороны, неприглядные примеры поведения, а с другой, подчеркивающие сложный и противоречивый мир русского человека.

Подобную противоречивость некоторые исследователи выдают за особое отношение русских людей ко злу – русского человека, мол, притягивает зло и, только пройдя через зло, через "бездну", он может почувствовать потребность в исправлении и очищении. При этом чаще всего ссылаются на героев Достоевского. Я вижу в этом всего лишь упрощенную, квазиницшеанскую трактовку творчества русского писателя, трактовку, при которой ни Ницше не понимают, ни Достоевского, ни русского человека вообще.

Природа русского человека намного богаче как раз потому, что не ограничена рамками противоречия между добром и злом. Понятия добра и зла слишком субъективны и относительны. Они хороши и необходимы для оценок эмпирической морали, когда четко определены более общие основания. Если же речь идет об абсолютных ценностях, каковыми являются наши представления о двух мирах, понятия добра и зла неприемлемы. Человек, руководствующийся в своих действиях только критериями добра и зла, может быть в лучшем случае педантично моральным, а в худшем – патологически злым. Оба образа не типичны для России.

Размышляя о связи наличного, чувственно воспринимаемого мира с потаенным, но не менее важным для нас миром идеальных ценностей и смыслов, мы поднимаемся на новый, философский уровень понимания действительности. Русский человек как раз и оригинален тем, что все время ощущает напряженную остроту противоречия между тем и этим миром. Категории добра и зла играют здесь всего лишь служебную роль. Этот мир не является сам по себе ни добрым ни злым, точно так же как и тот, другой мир – они оба суть предельные основания человеческого бытия. Они оба прекрасны и совершенны, поскольку предполагают друг друга, они оба одинаково ущербны, поскольку им не хватает друг друга. Такая диалектика поднимается над дихотомией добра и зла, не отрицает ее, но открывает новые горизонты для философского размышления о жизни.

Русский человек философичен, потому что чувствует свою принадлежность в двум разным мирам, но не желает мириться с этой разницей, пытается все время дополнить ценность одного мира достоинствами другого или компенсировать ущербность отрыва одного от другого стремлением к их синтезу. Взгляд на соотношение двух миров формирует мудрость, в отличие от ума, занятого расчетом плюсов и минусов (добра и зла) какого-то одного мира.

Преданность двум разным мирам порождает сложные, богатые множеством разнообразных оттенков переживания, делает человека необыкновенно чувствительным, заставляет острее реагировать на различные жизненные ситуации, замечая даже в мелочах моменты взаимодействия временного и вечного, имманентного и трансцендентного. Вот почему русский человек хоть и говорит «Бога нет», но без Бога жить не может. Хоть и верит, что Бог есть, но все равно сомневается, упрекает Бога в слабости, даже ропщет на Него за забвение этого мира. Русский человек хоть и ведет разгульную жизнь, но смысла и настоящего удовольствия в этом не видит. Хоть и ограничивает себя, когда приходит, например, в монастырь, но все равно от жизни и от людей не уходит, мечтает об улучшении и преобразении именно этого мира.

Философичность русского человека предполагает наличие особых черт у русской философии, отсутствие которых лишает философское произведение национального характера, хотя бы оно и было написано профессиональным философом в России и на русском языке. Поэтому не все, что создано и создается в России, можно без оговорок отнести к русской философии. У иного немца или испанца больше русскости. Прежде всего

философ должен признать философичность в качестве важнейшего признака духовной культуры русского человека.

Подобно тому как русским людям больше свойственно философствовать, нежели полагаться на собственный разум или на волю божью, так и русская философия четко отделяет себя от науки и религии, не удовлетворяясь ни последовательным рационализмом, ни религиозным догматизмом. В науке и религии философ видит попытки описания тех двух миров, которые в своей совокупности определяют мировоззрение русского человека. Но отдавая должное заслугам научного познания и религиозной веры, философ прекрасно понимает ограниченность этих попыток.

Наука и религия верят в свои безграничные возможности на пути решения важнейших проблем человеческого бытия. Из двух миров они, в конечном счете, предпочитают один. Философия же сохраняет напряженность противоречия между естественным, научно познаваемым миром и сверхъестественным, запредельным для науки. Русская философия сегодня та философия, которая не может ни предать этот мир, отречься от него, ни утратить устремленность к Другому миру – абсолютному, вечному, недоступному ни опыту, ни разуму.

Русская философия – это не наука и не богословие. Это с одной стороны, оппозиция научному и религиозному сознанию в их претензиях на исключительность, а с другой, стремление сохранить в себе преданность этому миру и устремленность к высшему, запредельному. Поэтому русская философия хоть и интеллектуальна, но не до такой степени, чтобы превратиться в позитивную науку. Она метафизична, но не до признания за абсолютными сущностями самостоятельного существования. Все сверхъестественное в русской философии служит возвышению естественного, а все естественное оправдано своей устремленностью к сверхъестественному.

Врач, психолог, политик и другие специалисты могут абстрагироваться от этой устремленности, богослов может рассуждать о независимом бытии Бога, философ же всегда озабочен проблемами взаимодействия абсолютного и относительного, временно-го и вечного. Подобные проблемы интересуют любого философа. Русская философия как раз и видит свою основную задачу в том, чтобы разглядеть во временном вечное, а у абсолютного найти связь с относительным. Поэтому она и рациональна и сверхрациональна, не будучи ни рациональной, ни сверхрациональной в чистом виде. Она и посвосторонна и потусторонна, не будучи ни той ни другой в прямом смысле.

За это русскую философию не любят ученые, недооценивают богословы. Для первых она оторвана от реальности, для вторых слишком предана ей. На самом деле только через философию возможен плодотворный диалог между наукой и религией. Наука и религия не могут непосредственно воздействовать друг на друга. Разговоры о гармонии между ними являются всего лишь благими пожеланиями.

Недостаток русской философии, не желающей стать ни научной, ни религиозной, очевиден. Она не может дать утешение верующим, порождая лишней раз сомнения, подрывает авторитет ученых, указывая на относительность их достижений. Труднее почувствовать преимущества русской философии, разглядеть ее полезность как для науки, так и для религии. Философия все время раздвигает границы наук, формируя идеалы, превосходящие узко прагматические цели и воспитывая чувство глобальной ответственности ученого перед миром. Сквозь философические очки ученый лучше видит перспективы развития не только своей, но и всех остальных наук. Делая физика немного метафизиком, она дает ему возможность достичь высот и в физике.

Для религии философия является зеркалом, в которое она периодически должна смотреться, следя не только за внешним видом, но и за доверительностью суждений, чтобы не впасть в маразм и тупой фанатизм. Религию от ереси отличает не столько приверженность определенным догматам и церемониям, сколько желание сотрудничать с философией. Ересь боится философской критики, поскольку основана на слепой вере, глупости и лжи.

Сейчас много говорят о специфике философии, о ее сходстве и отличии от науки и религии. Но при этом не решаются сказать самое главное – что ни науке, ни религии не удается удержаться на острие противоречия между этим миром и тем и потому стать основой мировоззрения для русского человека. Потому что в душе наши философы чувствуют себя либо учеными, либо теологами и отдают предпочтение какому-то одному началу. Только действительно русская философия, соответствующая философичности русского человека, готова размышлять о двух мирах как о равноценных основаниях бытия.

Да, тот мир кажется лучше, поскольку он идеален, но один он безжизнен, и никакая религия не в силах вдохнуть в него полнокровную жизнь. Дух сам по себе возвышен и холоден, а религия всегда немного призывает, рисуя будущее.

Да, этот мир болен и нуждается в исправлении, а не в замене. Но никакая наука не избавит его от страданий, потому что страдания не уничтожаются, а претерпеваются и облагораживаются только силой Духа, а позитивистскому мышлению ума не хватает, чтобы понять это.

Трудно русскому человеку не впасть в иллюзию и жить правдой. Еще труднее русской философии остаться верной мятущейся русской душе и не превратиться в стройное и непротиворечивое учение, утратив открытость и апофатичность.

Такова, на мой взгляд, главная особенность русской философии, обусловленная широтой характера русского человека и узостью научного и религиозного мировоззрений. Особенность, на которую почему-то мало обращают внимания. Следуя традиции, эту особенность лучше всего назвать сердечностью. Именно сердечность русской философии «согревает» понятие духовности, делает его более жизненным. Именно сердечность дополняет разум более глубокими переживаниями и интуитивными откровениями. Философичности русского человека соответствует сердечность русской философии.

Безграничную мощь науки символизирует мозг (интеллект). Если ученый начинает говорить об идеальном, «потустороннем» и при этом хочет оставаться верным языку науки, он переводит всю метафизику на язык физики и биологии, помещая сверхъестественное в область «тонких» миров, биополей и энергий.

Символом религиозной жизни и возвышенности является душа (духовность). Не случайно духовность часто употребляется в качестве синонима религиозности. Если богослов говорит об этом мире и хочет остаться верным догматам своей религии, он обязательно признает относительность, обусловленность и вторичность земной жизни.

Для русской философии в качестве главного символа берется сердце. В сердце переплавляются оба мира. Русский человек хочет «Жить по Правде», и в этой Правдивой Жизни и Тот мир и Этот пишутся с большой буквы.

Мозг, нервная система физиологичны. Сердце выше физиологии, это не анатомический орган, оно сверхъестественно. Оно улавливает невидимые оттенки и подсказывает разуму. Оно отличает правду от лжи вопреки фактам, логике, корыстному интересу.

Мозг может жить без любви – по расчету даже лучше, спокойнее и дольше. Сердце умирает без любви.

Душа «отходит», «отлетает». Сердце не отлетает, не перевоплощается. Дух может существовать самостоятельно, любить после смерти. Сердце живет любовью. Сердце источник совести как совмещения вестей от двух миров – земного и божественного.

Вопрос «Что первично – материальное или идеальное» – это основной нефилософский вопрос. Основной для науки, которая хочет доказать первичность реальности, и основной для религии, которая обязана говорить о превосходстве Царства Небесного. Философия признает взаимосвязь и единство двух миров и озабочена поиском одного в другом. По выражению Сковороды, философ «во всем должен видеть двое».

Таким образом, философия наряду с наукой и религией занимает свое определенное место в общей культуре человечества. Сердечность русской философии проявляется в одинаковой преданности как страдающей реальности, так и торжествующему идеалу.

Русский философ уважает национальное разнообразие и в то же время чувствует единство со своим народом. Но где сейчас мой народ? – этот вопрос тоже не эмпирический, а философский. К сожалению, чужие люди и чужие идеи все больше деформируют общественное сознание. Философичность отступает перед жадной любовью к удовольствиям и развлечениям, а бессердечная философия либо не доверяет духовному опыту, полагаясь только на очевидные факты, либо пренебрегает действительностью ради отвлеченных конструкций.

ON PHILOSOPHICAL NATURE OF RUSSIAN MAN AND HEARTNESS OF RUSSIAN PHILOSOPHY

V.P. Fetisov

Voronezh State Forestry Engineering Academy, Temiryazyeva st., 8, Voronezh, 394613, Russia
e-mail: vglta@vglta.vrn.ru

The article deals with the specifics of the Russian philosophy and the Russian style of making philosophy. The author points out the genuine dualism of the Russian man, his discrepancy, which forms a special type of philosophizing.

Key words: Russian philosophy, science, theology, religion, spirituality.